

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

1 ОКТЯБРЯ
1910

№ 19

ГОДЪ ИЗД.
V

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Адресъ редакціи и конторы: Спб. ВознесенскійА, 36, кв. 4. Телефонъ 237-55.

Безобразова М. О. «Исторія одного воробья». Съ рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна 25 к.

Бьялевская О. А. «Капель» Стихотворенія. Цѣна въ папкѣ 75 к., въ обложкѣ 40 к.

Кондурушкинъ И. С. «Въ деревнѣ». Разказы. Съ рис. Цѣна 25 к.

Купринъ А. И. «Слонъ». Съ рисунк. Цѣна 25 к.

Карроль Льюисъ. «Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ». Любимая книга англійскихъ дѣтей. Переводъ Allegro. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Лондонъ Джэнъ. «Букъ». Исторія одной собаки. Переводъ Н. Манасеиной. Съ рисунк. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к.

Малахіева-Мировичъ В. Г. «Золотой домъ». Сборникъ разказовъ. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ папкѣ 1 р.

Манасеина Н. И. «Разказы для дѣтей». Со многими рис. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просвѣщенія признана подлежащей внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній

Манасеина Н. И. «На Рождествѣ». Три разказа. Съ рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и признана заслуживающей вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Манасеина Н. И. «Мамино дѣтство». Разказъ изъ институтской жизни. Съ отдѣльн. рис. на мѣловой бумагѣ. Ц. въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Поливановъ В. П. «Воронъ».—«Индѣйцы». Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьева П. С. «Елка». Стихи для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 35 к.

Соловьева П. С. «Семилѣтка». Народныя сказки. Съ рисунк. Изданіе 2-е. Ц. въ папкѣ 80 коп. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

Соловьева П. С. «Свадьба солища и весны». Пьеса въ стихахъ. Съ рисунк. Ц. 20 коп.

Соловьева П. С. «Разгадай». Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Ц. 25 коп.

Соловьева П. С. «Березкины именины». Пьеса въ стихахъ. Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьева П. С. «Первое Апрѣля». Комедія въ одномъ дѣйствіи. Ц. 10 к.

Соловьева П. С. «Няня». Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Ц. 15 к.

Соловьева П. С. «Чудесная ночь». Пьеса въ стихахъ. Ц. 20 к.

Шапиръ Н. Л. «Люди и звѣри». Съ рисунками. Ц. 25 к.

Франсъ Анатоль. «Пчелка». Сказка. Съ рис. Изданіе 2-е. Переводъ Н. Манасеиной. Ц. 25 к.

Allegro. «Дѣти зимой». Открытки въ краскахъ. Ц. за дюжину 25 к., съ пересылкой 35 к.

Выписывающіе книги изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Подписчикамъ „ТРОПИНКИ“ дѣлается уступка въ 20%.

На выставкѣ „Искусство въ жизни ребенка“ 1909 г. книгоиздательству „Тропинка“ присуждена золотая медаль.

1910 годъ.

Октябрь № 19.

ЖУРНАЛЪ

ТРОПИНКА.

Содержаніе.

1. Капустникъ—стихотвореніе *А. Насимовича*.
2. „Скокъ“—разсказъ *Ю. Насвѣтовой*.
3. Цербетская принцесса—повѣсть изъ дѣтства и юности Екатерины II—*Н. Манасѣиной*.
4. На родинѣ первыхъ людей—*П. Инфантьева*.
5. Жизнь Хитролиса—*П. Соловьевой*. Рисунки *Рабье*.
6. Вѣсти отовсюду.
7. Шарады.
8. Народныя поговорки и примѣты на октябрь.

Капустникъ.

С О всего двора мальчишки
Въ погребѣ сидѣли,
На зубахъ ихъ кочерыжки
Бѣлыя хрустѣли.

Марѳа старая ворчала:
„Ишь ихъ... привалили!
„Вы капусту бы сначала
„Тяпками рубили“.

„Будемъ! будемъ!“ — ей кричали
Шустрые ребята,
Тяпки взяли, застучали
По дубовой кадкѣ.

Тетка Дарья подбавляла
Цѣлыми вилами,
Соль по кадкѣ разсыпала
Полными горстями.

Тяпи-тяпи!... дѣти дружно
Тяпками стучали.

„Ну, Алёна, пѣсню нужно!“
Разомъ закричали.

Запѣвала тутъ Алёна
Пѣсню хороводну:

„Ты капустушка солена,

„Приминаясь къ дну!

„Приминаясь, прирубайся,

„Чтобы жить намъ густо!

„Приминаясь, прирубайся,

„Бѣлая капуста!

„Тяпи-тяпи-тяпи-тяпъ!

„Бѣлая капуста!“

А. Насимовичъ.

„С К О К Ъ“.

МЫ кончали вечерній чай. Папа давно уже ушелъ изъ столовой въ кабинетъ къ ожидавшему его распоряженій приказчику, а мама играла въ гостиной мой любимый ноктюрнъ Шопена. Въ столовой оставались только я да Петя, такъ какъ „малышки“ Витя и Лида, выпивъ свое молоко, убѣжали въ дѣтскую, откуда до насъ долеталъ ихъ веселый визгъ и хохотъ. Я торопливо, большими глотками допивала свой стаканъ чая съ молокомъ, собираясь пойти въ гостиную поближе послушать свой любимый ноктюрнъ, какъ вдругъ Петя, выходявшій зачѣмъ-то на балконъ, крикнулъ мнѣ:

— Лёля, смотри, жаба!

Дѣйствительно, на порогѣ балкона, подъ широкой полозой луннаго свѣта, сидѣла большая сѣрая жаба, очевидно собиравшаяся прыгнуть въ столовую. Крикъ и появленіе Пети испугали ее: она сжалась въ комокъ, подобрала подъ себя всѣ четыре лапки и сидѣла на порогѣ не шевелясь, тяжело и часто дыша бѣловатымъ горлышкомъ и безпрестанно закрывая пленчатыми вѣками свои большіе желтые глаза.

— И откуда это она взялась? Удивительно! — говорилъ Петя, присаживаясь рядомъ со мной на корточки, чтобы лучше рассмотреть жабу. Особенно удивительнаго въ появленіи жабы ничего не было. Жаба легко могла взобраться по широкимъ каменнымъ ступенямъ балкона, а тамъ и незамѣтно добраться до дверей столовой, но дѣло-то въ томъ, что въ цвѣтникѣ, окружавшемъ балконъ, жабъ не водилось вовсе. Въ фруктовомъ саду, на огородѣ, на баштанѣ и около ставкѣ (пруда), за большимъ садомъ, ихъ было множество, — но въ цвѣтникѣ,

расположенномъ на сухомъ, высокомъ мѣстѣ, мы ни разу не встрѣчали ни одной, за все время нашей жизни въ „Уютномъ“. Цвѣтникъ былъ расположенъ на юго-востокъ, въ немъ съ ранняго утра и почти цѣлый день грѣло и свѣтило солнце, и было всегда очень сухо. Даже послѣ дождя, хорошо усыпанные крупнымъ пескомъ дорожки просыхали очень быстро.

— Что это, жаба?— спросила мама, окончивъ игру и выходя къ намъ въ столовую. — Какая огромная! Вѣрно старая. И откуда это она взялась? Выгони ее Петя. Еще, пожалуй, дальше въ комнаты заберется.

— А, вотъ я ей сейчасъ дорогу покажу, — сказалъ Петя и пошелъ на балконъ взять крокетный молотокъ. Но не успѣлъ онъ возвратиться, какъ жаба, какъ бы понявъ, въ чемъ дѣло, повернулась, скакнула назадъ и быстро запрыгала внизъ, смѣшно переваливаясь своимъ толстымъ, неуклюжимъ тѣломъ по ступенямъ балкона. На послѣдней она не удержалась и упала, перевернувшись вверхъ брюшкомъ, но сейчасъ же оправилась, вскочила, и мгновенно куда-то исчезла. Мы съ Петей, сбѣжавъ почти слѣдомъ за ней съ балкона, нигдѣ не могли замѣтить ея, хотя на площадкѣ передъ балкономъ было свѣтло, какъ днемъ, отъ луннаго свѣта. Не могли найти ее нигдѣ и наши малышки, Лида и Витя, которымъ я рассказала о жабѣ на слѣдующій день, за утреннимъ чаемъ. А искали они усердно: облазили все кусточки и закоулочки около балкона, оглядѣли каждый камешекъ, каждую ямочку, такъ какъ Лидѣ очень хотѣлось найти „бѣдную заблудившуюся жабу“, чтобы отнести ее къ пруду.

Прошло два дня. Жаба не появлялась, и о ней забыли. Случилось какъ разъ, что эти дни мама и папа ѣздили въ гости къ сосѣдямъ и возвращались поздно. Мы, отпивъ чай, не оставались долго въ столовой. Балконная дверь была за-

перта. Но на третій день мы дольше засидѣлись послѣ вечерняго чая въ столовой. Малышки рисовали, а мы съ Петей повторяли на завтра уроки, и въ комнатѣ было совсѣмъ тихо. Только изъ гостиной, гдѣ мама играла какую-то грустную малорусскую пѣсенку, доносились до насъ заглушаемые спущенной портьерой звуки рояля. Вдругъ ясно слышимъ: „шлепъ! шлепъ! скокъ, скокъ!“ — по каменнымъ ступенямъ балкона.

— Жаба! — прошепталь Витя. Съ шумомъ отодвигая стулья, толкая и перегоняя другъ друга, выбѣжали мы на балконъ. Но какъ мы ни спѣшили, жабы и слѣдъ уже простыль. Быть можетъ, она притаилась гдѣ-нибудь подъ листьями дикаго винограда, густо обвивавшаго перила балкона или успѣла соскочить, — но только ея нигдѣ не было видно. А, между тѣмъ, мы ясно слышали, какъ скакала она по ступенямъ балкона! Ночь была прекрасная, свѣтлая, лунная, каждый предметъ на балконѣ былъ ясно виденъ: валялся забытый волчокъ Вити, Лидина кукла, нѣсколько окурковъ папиныхъ папирозъ, и больше ничего, — никакой жабы.

— Что это была та же самая жаба, объ этомъ и говорить нечего, — сказаль Петя, когда мы, разочарованные, вернулись въ столовую. — Интересно, что ее сюда такъ приманиваетъ? Свѣта жабы терпѣть не могутъ и всегда прячутся въ темноту, а тутъ прямо, на тебѣ! на свѣтъ, въ комнату лѣзетъ, — раздумчиво прибавиль онъ.

Петя очень интересовался естественной исторіей, много читаль по ней и сумѣль заинтересовать ею и меня.

— Можетъ быть, она за мухами въ столовую пробиралась? Ихъ вѣдь тутъ пропасть, — предположила я.

— Да, откуда же могла бы она узнать объ этомъ? Да и насѣкомыхъ вездѣ много. Нѣтъ, это не то, — задумчиво возразиль Петя.

— А я знаю, — вдругъ съ таинственнымъ видомъ объявила Лида. — А ну — что, что? Что ты знаешь, говори! — съ любопытствомъ пристала я къ сестренкѣ, въ то время какъ Петя недовѣрчиво посматривалъ на нее. — Жаба заблудилась, а когда искала дорогу домой, услышала, что мухи въ столовой жужжать, и припрыгала туда, — заявила Лида и съ торжествомъ посмотрѣла на всѣхъ.

— Глупости! — „Заблудилась!..“ — насмѣшливо передразнилъ Лиду разсерженный Петя. — Ты ужъ скажешь! И охота тебѣ, Лёля, слушать этотъ „мышиный хвостикъ“. Откуда она можетъ что-нибудь знать!

И забіяка Петя безцеремонно дернулъ бѣдную Лиду за ея „мышиный хвостикъ“, — крошечную, туго заплетенную косичку-закорючку, съ пышнымъ розовымъ бантомъ на концѣ! Лидуся начала носить ее со дня своего шестилѣтія, то-есть, всего четыре мѣсяца тому назадъ и не мало гордилась своей косой.

— „Мышиный хвостикъ“, — съ негодованіемъ заступился за Лиду Витя. — Она маленькая, а когда она вырастетъ, у нея коса будетъ еще лучше Лёлиной. — Ладно, ладно! — добродушно согласился Петя.

— А, вѣдь, ужасно интересно знать, что нужно здѣсь жабѣ, — продолжалъ онъ, помолчавъ. — Не надо было такъ шумѣть, мы ее напугали. Ну, да я думаю, она вернется. Будемъ наблюдать, Лёля, непременно! Чуръ, не шумѣть, малышки, въ другой разъ!

Но „Скокъ“, какъ мы прозвали жабу, появился вновь не такъ-то скоро. Напрасно прождали мы его нѣсколько вечеровъ подрядъ, Прошла добрая недѣля, пока мы услышали знакомое — „шлепъ“, „шлепъ“! „Скокъ“, скокъ“! по ступенямъ балкона. На этотъ разъ мы всѣ четверо не пошевелинулись,

такъ и замерли каждый на своемъ стулѣ, устремивъ взоры на порогъ открытой балконной двери. Вотъ на немъ показался маленькій, сѣренькій комочекъ, приостановился, прислушался,— и грузно шлепнулся въ столовую. Мы затаили дыханіе. Нашъ Скокъ бочкомъ, шибко-шибко заскакалъ черезъ столовую прямо къ запертымъ дверямъ гостиной, гдѣ мама какъ разъ опять играла тотъ самый ноктюрнъ Шопена, который раздавался и въ первый вечеръ появленія Скока. У запертыхъ дверей Скокъ остановился, приподнялся на заднія лапки и началъ передними шарить по двери, стараясь отыскать отверстіе, чтобы пробраться въ гостиную.

— Петя, — прошептала я, пораженная, — да неужели же это музыка его привлекаетъ?

— Тсс!..—также шепотомъ отвѣтилъ мнѣ Петя.— Да, да!.. жаль, что дверь гостиной заперта. А я, вѣдь, когда-то читалъ про жабу, которая очень любила музыку, да забылъ. Ты только посмотри, какъ онъ царапается! Подожди, я попробую отворить дверь. — И Петя, осторожно ступая на концы пальцевъ, стараясь не дѣлать рѣзкихъ движеній, подошелъ къ двери и открылъ ее. Скокъ, собравшійся въ комочекъ при его приближеніи, тотчасъ же вскочилъ въ гостиную. Не обращая вниманія на Петю, оставшагося стоять на порогѣ, онъ сдѣлалъ нѣсколько скачковъ и остановился посрединѣ комнаты, смѣшно растопыривъ лапки и повернувшись головой къ роялю. Нельзя было сомнѣваться, что онъ не только слушалъ, но просто наслаждался музыкой. Сидѣлъ онъ въ такомъ положеніи, не двигаясь до тѣхъ поръ, пока мама, окончивъ ноктюрнъ, не отодвинула стула и не встала. Тогда онъ тотчасъ же повернулся и, грузно и неловко шлепая своимъ толстымъ тѣломъ о полъ, запрыгалъ въ столовую, а оттуда на балконъ. Такимъ образомъ загадка, что привлекало Скока въ столовую,

неожиданно разрѣшилась сама собой. Къ великому изумленію малышекъ, Скокъ оказался страстнымъ любителемъ музыки. Лида отчасти угадала, когда говорила, что Скокъ заблудился и, привлеченный жужжаніемъ мухъ въ столовой, вскочилъ въ комнату. Скокъ, дѣйствительно, вѣроятно, охотился гдѣ-нибудь вблизи, но только не мухи, а звуки музыки привлекли его въ столовую.

Съ тѣхъ поръ, Скокъ каждый вечеръ сталъ появляться у насъ въ гостиной. Тамъ онъ усаживался всегда на одной и той же половицѣ посреди комнаты; на этомъ разстояніи музыка, очевидно, нравилась ему больше всего, и онъ весь превращался въ слухъ. Онъ оказался далеко не такимъ робкимъ, какъ большинство жабъ, очень быстро привыкъ ко всѣмъ намъ и пересталъ пугаться.

Скоро онъ сталъ появляться въ столовой и днемъ, правда не часто, такъ какъ, какъ и всѣ жабы, былъ ночнымъ охотникомъ, и преисправно и безбоязненно охотился тамъ за мухами, не стѣняясь присутствіемъ людей. Одного онъ не выносилъ: рѣзкихъ движеній и шума. Люди, громко разговаривавшіе и громко смѣявшіеся, возбуждали глубокую антипатію Скова.

Такъ сосѣда нашего, обладавшаго громкимъ и рѣзкимъ басомъ, онъ терпѣть не могъ, и тотчасъ же исчезалъ изъ комнаты при его появленіи. Очевидно, онъ умѣлъ отлично разбирать лица. По крайней мѣрѣ мы скоро замѣтили съ Петей, что у него были свои симпатіи и антипатіи среди людей. Особеннымъ его расположеніемъ пользовалась мама. Мы часто замѣчали его сидящимъ подъ маминымъ стуломъ или даже на шлейфѣ ея платья.

Петя увѣрялъ что Скокъ любитъ маму „за музыку“, но я думаю, что мама, съ ея тихими движеніями, неслышной

поступью и тихимъ кроткимъ голосомъ, привлекала Скока помимо всякой музыки. А музыку Скокъ любилъ до самозабвенія. Звуками музыки его можно было вызвать въ комнаты въ любое время дня и ночи. Однако, нравились ему далеко не одинаково всѣ музыкальныя пьесы. Онъ любилъ только грустныя, минорныя вещи. Стоило только мамѣ заиграть какую-нибудь веселую мажорную пьесу, какъ Скокъ сейчасъ же срывался со своей половицы, гдѣ до сихъ поръ сидѣлъ, мечтательно растопыривъ лапки и полузакрывъ глаза, и обиженно и торопливо прыгалъ вонъ изъ гостиной. Удаляясь, онъ нѣсколько разъ останавливался и презабавно потиралъ и почесывалъ лапками то одно, то другое ухо. Но стоило только вновь начать одну изъ его любимыхъ мелодій, какъ онъ тотчасъ возвращался обратно. Такимъ образомъ его можно было заставить нѣсколько разъ уходить и возвращаться. Особенно любилъ онъ „Marche funebre“ Бетховена. Торжественные, печальные и мрачные звуки этого похороннаго марша, не смотря на свои сильные, громкіе аккорды, глубоко дѣйствовали на Скока.

По окончаніи марша, онъ обыкновенно еще долго сидѣлъ, не шевелясь, какъ очарованный, на своей половицѣ, все еще, очевидно, находясь подъ впечатлѣніемъ величественной музыки.

Но не всѣ музыкальные инструменты нравились Скоку. Граммофона, напимѣръ, онъ терпѣть не могъ. Въ первый же разъ, какъ его завели при немъ, Скокъ, мирно охотившійся на мухъ въ столовой, тотчасъ же съ негодованіемъ, потирая лапками уши, заскакалъ вонъ изъ столовой. Не любилъ онъ также и скрипки. Мягкіе звуки мандолины или гитары нравились ему больше, и онъ охотно слушалъ ихъ, но все-таки рояль онъ предпочиталъ всѣмъ остальнымъ му-

зыкальнымъ инструментамъ. Замѣтно это было по тому, какъ, заслышавъ звуки рояля, онъ тотчасъ же отправлялся въ гостиную, не дослушавъ игру на мандолинѣ. Мандолину онъ всегда слушалъ на болѣе близкомъ разстояніи, чѣмъ рояль, тоже на извѣстной половицѣ. Половицы эти мы такъ и звали „половицами Скока“.

Вскорѣ послѣ появленія у насъ Скока, мы открыли и его жилище. Оказалось, у него было двѣ квартиры: одна—въ цвѣтникѣ противъ балкона, подъ большимъ, густымъ, развѣсистымъ кустомъ персидской сирени, другая подъ ступенями балкона, куда онъ пролѣзалъ, съ трудомъ протаскивая свой толстый животъ, черезъ едва замѣтное отверстіе, образовавшееся отъ выкрошившагося кирпича. Подъ сиреневымъ кустомъ онъ выкопалъ себѣ довольно глубокую ямку, чтобы было прохладнѣй сидѣть въ жару, и помѣстился въ ней очень комфортабельно. Подъ сиреневымъ кустомъ онъ помѣстился, очевидно, не безъ задней мысли.

Рядомъ съ кустомъ, съ двухъ сторонъ находились двѣ клумбы съ цвѣтущей резедой, на которыя слеталось и сползалось масса насѣкомыхъ. Скрытый густой листвою, не замѣченный ими, Скокъ могъ очень удобно дѣлать оттуда свои охотничьи вылазки.

Однажды, въ одинъ особенно жаркій день, когда Скокъ, не выносившій сухой жары, очень страдалъ, сердобольная Лида принесла ему подъ кустъ блюдечко съ холоднымъ молокомъ. Петя увѣрилъ ее, что читалъ гдѣ-то, что жабы очень любятъ молоко. Неизвѣстно, пилъ ли молоко Скокъ, но когда мы черезъ нѣкоторое время заглянули подъ кустъ, то увидѣли Скока сидящимъ посрединѣ блюдечка съ молокомъ. Прохладная молочная ванна, очевидно, очень нравилась ему, такъ какъ онъ блаженно шурилъ свои желтые глаза и не двинулся при

нашемъ появленіи, позволивъ даже погладить себя по спинкѣ, что позволялъ дѣлать всегда крайне неохотно. Въ другой разъ, та же Лида принесла ему блюдечко съ медомъ, чтобы привлечь къ нему поближе и побольше насѣкомыхъ, какъ она намъ объяснила потомъ.

Этотъ опытъ окончился очень плачевно для Скока.

Медъ, дѣйствительно, привлекъ много насѣкомыхъ, но бѣдный Скокъ, вѣроятно, погнавшись за какимъ-нибудь понравившимся ему насѣкомымъ, попалъ лапками въ блюдечко и прилипъ къ нему. Лида нашла его въ очень жалкомъ положеніи посрединѣ блюдечка съ мордочкой, залѣпленной медомъ. Она осторожно вытащила его и, не сказавъ намъ ни слова, понесла на прудъ, чтобы выкупать. Но Скокъ выскользнулъ у нея изъ рукъ, прежде чѣмъ она успѣла привести свое намѣреніе въ исполненіе, и исчезъ въ прибрежной тинѣ. Долго ожидала его на берегу Лида и, смущенная и опечаленная, вернулась домой безъ Скока. Намъ объ этомъ она не сказала ни слова. Случилось это происшествіе въ полдень. Какова же была радость Лиды, когда вечеромъ, въ обычное время, за вечернимъ чаемъ раздалось знакомое „скокъ, скокъ!“ „шлепъ, шлепъ!“—и Скокъ вскочилъ въ столовую, какъ ни въ чемъ не бывало. Лида завизжала отъ восторга и тутъ же рассказала намъ свое приключеніе со Скокомъ. Очевидно, Скокъ обладалъ недюжиннымъ умомъ и памятью, если сумѣлъ найти дорогу отъ пруда, который находился не менѣе, чѣмъ въ полуверстѣ отъ дома, въ концѣ сада и въ совершенно противоположной сторонѣ.

Явился Скокъ чистенькимъ и свѣженькимъ, основательно выкупавшись; но съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ всѣ блюдечки и тарелки и тщательно и далеко обскакивалъ ихъ. Въ сентябрѣ Скокъ исчезъ; вѣроятно зарылся на зиму въ

тину, какъ дѣлають это всѣ жабы и лягушки. Но въ началѣ апрѣля онъ появился вновь и сталъ, какъ въ прошломъ году, появляться въ комнатахъ ежедневно. Привычки его остались тѣ же; онъ попрежнему увлекался музыкой и сохранилъ всѣ свои симпатіи и антипатіи. Являлся онъ такъ аккуратно въ продолженіи цѣлыхъ шести лѣтъ все такимъ же неизмѣннымъ и ручнымъ. Но потомъ онъ исчезъ, къ великому горю Лиды. Вѣроятно какая-нибудь несчастная случайность прекратила жизнь Скока, такъ какъ жабы отличаются долголѣтіемъ. Что случилось со Скокомъ—мы не знаемъ, знаемъ только, что его нѣтъ, и намъ сильно недостаетъ его, когда мы лѣтомъ собираемся всѣ въ нашемъ „Уютномъ“; не слышимъ мы больше за вечернимъ чаемъ, знакомаго, мягкаго „шлепъ“, „шлепъ!“ нашего любимца Скока, и не видимъ маленькой, горбатенькой, сѣренькой фигурки съ растопыренными лапками, сидящей въ гостиной на обычномъ своемъ мѣстѣ и мечтательно слушающей музыку.

Много лѣтъ прошло съ того времени, но и до сихъ поръ ноктюрнъ Шопена и „Marche funebre“ Бетховена всякій разъ напоминають мнѣ нашего маленькаго пріятеля и тихія, лунныя украинскія ночи нашего „Уютнаго“.

Ю. Насвътова.

Цербетская принцесса.

Дѣтство.

I.

— Дѣвочка!

Этотъ возгласъ, въ которомъ слышалось больше разочарованія, чѣмъ радости, раздался глубокой ночью 21 апрѣля 1729 года въ комнатѣ жены командира полка въ Штеттинѣ.

Этотъ городъ только недавно былъ завоеванъ пруссаками у датчанъ. И женщины,—ихъ было нѣсколько въ комнатѣ, плохо освѣщенной оплывшими сальными свѣчами,—если не сказали громко, то всѣ подумали:

— Ахъ, какъ жаль.

— Дѣвочка?—едва слышно переспросила мать новорожденной и закрыла глаза.

Никто не отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Дѣвочка кричала такъ неистово, точно поняла разочарованіе окружающихъ и негодовала на него. На дворѣ свистѣлъ вѣтеръ. Слышно было, какъ шелкала на крышѣ черепица, и глухо шумѣлъ недавно освобожденный ото льда Одеръ.

Слезы выкатились изъ—подъ опущенныхъ рѣсницъ матери новорожденной и поползли, тяжелыя и холодныя, по блѣднымъ щекамъ.

— Еще одно разочарованіе!—Юганна-Елизавета мечтала о сынѣ.

Она была замужемъ полтора года, ей шелъ всего семнадцатый годъ, но за свою недолгую жизнь она пережила столько разочарованій, что другая на ея мѣстѣ, пожалуй, и не вынесла бы.

— Поздравляю васъ, ваше высочество, съ дочерью, принцессой Ангальтъ-Цербетской!

И дѣвица Кайнъ, вся острая и сухая, наклонилась надъ кроватью. Точно черная птица, метнулась ея тѣнь на бѣлой стѣнѣ. Она поднесла маленькій сверточекъ, похожій на бѣлаго окукливагося червячка, къ самому лицу Юганны-Елизаветы, но та не открывала глазъ. И дѣвица Кайнъ, рѣшивъ, что мать заснула, направилась къ дверямъ, точно цапля, вытягивая свои длинныя ноги.

Двѣ женщины пошли за нею. Другія остались съ Юганной-Елизаветой.

— Ну и холодно же здѣсь! — проговорила, входя въ со-
сѣдную комнату, статсъ-дама Юганны-Елизаветы баронесса
фонъ-Принтенъ.

— Да, здѣсь можно замерзнуть, — поддержала ее другая
статсъ-дама постарше — фонъ-Гагендорфъ.

— Поскорѣй разожгите жаровню — раздраженно прикри-
нула дѣвица Кайнъ. — Не могу же я все дѣлать одна. Въ
этомъ домѣ никто не хочетъ знать своихъ обязанностей.
Пока не нагрѣется комната, малютку и въ колыбельку нельзя
положить. А кормилица гдѣ же? Гдѣ Христи?

Но Христи такъ крѣпко заснула въ углу комнаты, закрывши
голову фартукомъ, что ее съ трудомъ растолкали.

Проснувшись, она долго не могла сообразить, гдѣ она.
Только наканунѣ ее привезли изъ деревни.

Пріѣхаль за нею неожиданно самъ мужъ — солдатъ. Сна-
чала Христи обрадовалась, что видитъ мужа, потомъ пришла
въ отчаяніе отъ разлуки съ ребенкомъ, съ деревней и со всѣмъ,
къ чему она привыкла за девятнадцать лѣтъ своей жизни.
Дорога и городъ ее ошеломили. А тутъ еще долгая ночь ожи-
данія. Христи разбудили, привели въ комнату, оставили одну
и забыли. Не до нея было.

Христи скучала, мерзла, а потомъ заснула, да такъ крѣпко,
что, проснувшись, не могла сразу понять, гдѣ она. Кайнъ положила
ей на колѣни дѣвочку. Сонной Христи она напомнила ея соб-
ственного мальчика. Она наклонилась и звонко и крѣпко,
по-деревенски, поцѣловала новорожденную.

Баронесса фонъ-Принтенъ и вдова фонъ-Гагендорфъ, объ-
статсъ-дамы, разсмѣялись, а фрейлейнъ Кайнъ наставительно
замѣтила, что съ принцессой надо обращаться почтительнѣе
и осторожнѣе.

Кайнъ, вѣрная слуга Ангальтъ-Цербстскаго дома, при вся-

комъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, старалась напомнить о томъ, что командиръ не простой человекъ, а князь Ангальтъ-Цербстскій. Не ея была вина, что почти для всѣхъ, кромѣ нея, это значило очень мало.

— Я васъ попрошу остаться здѣсь до моего возвращенія, — сказала Кайнъ дамамъ.—Мнѣ надо доложить его высочеству о благополучномъ рожденіи дочери.

— Не особенно обрадуешь она отца,—проговорила фонъ-Принтенъ, едва только дверь затворилась за дѣвицей Кайнъ.

Обѣ дамы, ежась отъ холода, усѣлись рядомъ на маленькій диванчикъ. Христи возлѣ колыбельки кормила новорожденную. Во всей ея фигурѣ съ наклоненной головой чувствовалось успокоеніе и удовлетвореніе. Наконецъ-то поняла она, зачѣмъ ее оторвали отъ всего своего и привезли въ чужой городъ, къ чужимъ людямъ. Вотъ только мальчика было попрержнему жаль. Было бы куда лучше, если бы на колѣняхъ лежалъ свой ребенокъ вмѣсто этой чужой дѣвочки. Но дѣлать нечего. Мужъ такъ приказалъ. Христи должна слушаться. Всякая жена слушается мужа, а такого, какъ ея Августъ,—и подавно. Вѣдь онъ не мальчишка какой-нибудь; ему, какъ и командиру, больше сорока лѣтъ.

Она послушалась мужа, а мужъ—командира. Тотъ велѣлъ ему привезти жену и кончено. Да и то сказать, развѣ могъ бы мужъ въ чемъ бы то ни было отказать своему командиру. Сколько походовъ они вмѣстѣ сдѣлали, гдѣ только ни побывали!

— А дѣвочка, кажется, настоящій уродецъ! — раздалось съ дивана.

— Не все ли равно. Мать красавица, умница и не какая-нибудь Ангальтъ - Цербстская, а принцесса древнѣйшаго въ Европѣ Гольштейнъ - Готторпскаго дома, и что же? Смѣшно

сказать! Жена командира пѣхотнаго полка. Хорошее положеніе для принцессы!

— И не говорите! Это просто ужасно. Ей бы королевой быть. Мнѣ кажется, ея крестная мать и воспитательница, герцогиня Брауншвейгская, поторопилась. Принцессѣ было всего пятнадцать лѣтъ. Слѣдовало подождать.

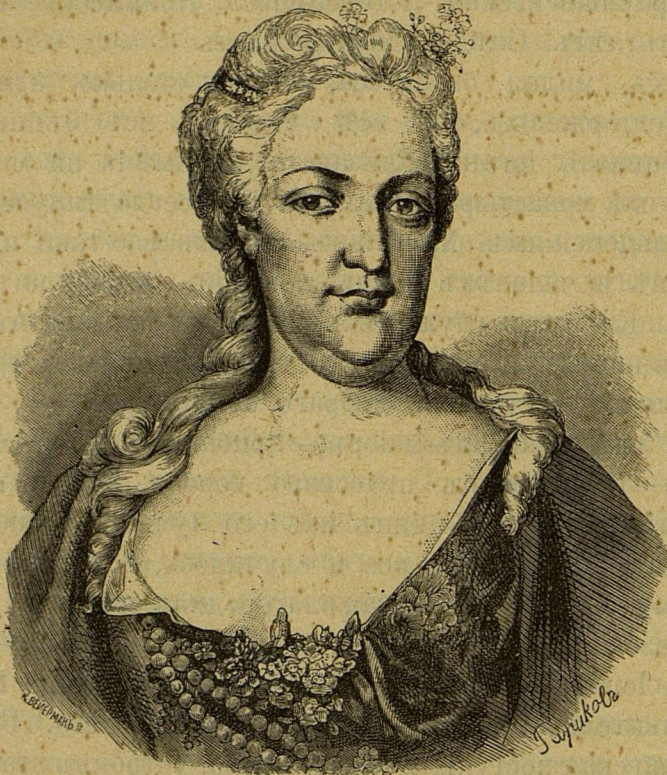
— Ахъ, милая баронесса, но ихъ столько, этихъ Гольштейнъ-Готторпскихъ, и всѣ сироты, всѣ бѣдны, всѣхъ надо устраивать. Иоганна-Елизавета не имѣла ни малѣйшаго призванія къ монастырской жизни. Ее всегда тянуло къ свѣтскимъ развлеченіямъ. Христіанъ-Августъ все-таки принцъ.

— Онъ и человѣкъ очень хорошій,—вставила баронесса Принтенъ. Ея мужъ служилъ въ полку Христіана-Августа, а всѣ подчиненные любили своего требовательнаго, строгаго, но справедливаго, честнаго и добраго командира.

— И уже генераль-маіоръ,—прибавила вдова фонъ-Гагендорфъ.—И любимецъ прусскаго короля. Король говоритъ, что Христіанъ-Августъ одинъ изъ его лучшихъ генераловъ... Вотъ видите, почему это все и случилось, дорогая баронесса. А ко всему еще, у него такая благородная осанка, и онъ такъ хорошо рассказываетъ о разныхъ странахъ, гдѣ ему удалось побывать. Иоганна-Елизавета обожаетъ путешествія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что она заслушалась его. Герцогиня Брауншвейгская поступила очень мудро, устроивъ этотъ бракъ. Королей на горизонтѣ не было, и она остановилась на томъ, кого послала судьба. Одною только не понимаю, зачѣмъ понадобилось отправить сюда и меня. Послѣ Брауншвейгскаго двора вездѣ покажется скучно и бѣдно, а ужъ здѣсь просто не переносно.

— Воображаю, какое тамъ у васъ великолѣпіе!—завистливо воскликнула молоденькая фонъ-Принтенъ.—Я какъ-то была въ Берлинѣ...

— Прусскій дворъ, милая, ничто по сравненію съ Брауншвейгскимъ. Тамъ и итальянская опера, и концерты, и маскарады, и карусели. Каждый день что-нибудь новое.

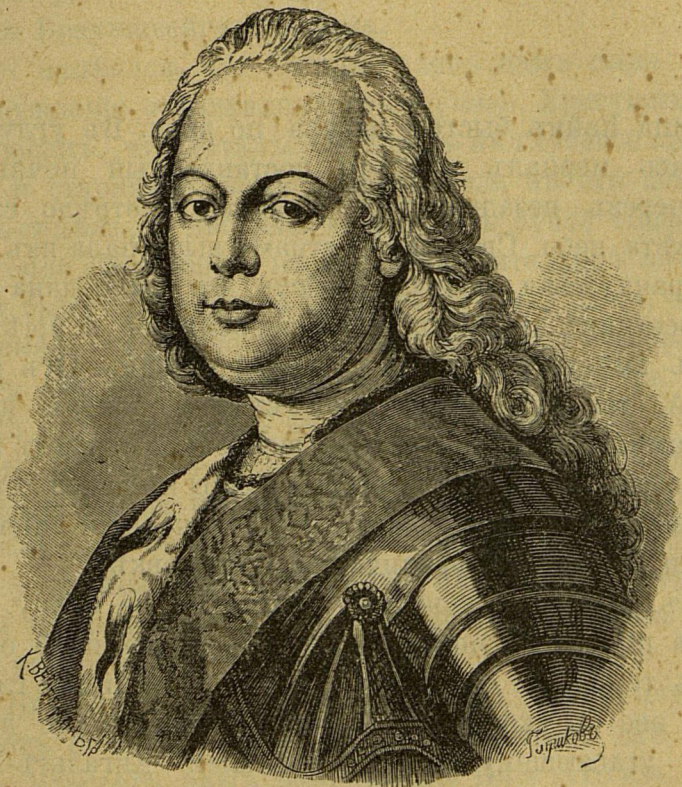

Принцесса Юанна-Елизавета Ангальтъ-Цербетская.

По фотографіи съ портрета, находившагося на исторической выставкѣ 1870 г.

Двѣ дамы повернулись другъ къ другу, и такъ какъ диванчикъ былъ тѣсный, то не только ихъ широкія ночныя платья, но и ночные чепцы съ широчайшими оборками почти слились.

Только торчашіе на маковкѣ банты сохранили свою самостоятельность и раскачивались все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ разговоръ становился увлекательнѣе. О дѣвочкѣ забыли.

Принцъ Христіанъ-Августъ Ангальтъ-Цербстскій.

По фотографіи съ портрета, находившагося на исторической выставкѣ 1870 г.

На фонѣ болѣе чѣмъ скромной гарнизонной жизни великолѣпіе Брауншвейгскаго двора выступало особенно ярко. У толстенной хорошенькой фонъ-Принтенъ разгорѣлись щеки,

и бантъ на чепцѣ пересталь двигаться. Она замерла, боясь проронить хоть одно слово.

А у колыбельки все было тихо. Христи дремала. Успокоившаяся дѣвочка тихонько и ровно посапывала.

II.

Дѣвица Кайнъ быстро прошла по залу. Въ углу на столикѣ слабо мерцаль кѣмъ-то поставленный ночникъ. Въ окошки через незадернутыя занавѣси смотрѣло сѣрѣвшее отъ разсвѣта небо. Свѣтлыми пятнами выступала изъ сумрака легкая французская мебель. Мебель эта была дана въ приданое крестницѣ герцогиней Брауншвейгской и пріѣхала въ Штеттинъ вмѣстѣ съ молодой женой принца. Отъ рѣзныхъ украшеній, тонкихъ ножекъ и свѣтлыхъ тоновъ шелковой обивки, фамильные портреты, развѣшенные по стѣнамъ зала, казались особенно мрачными. Суровые воины въ тяжелыхъ латахъ и женщины въ темномъ, со строгими величавыми лицами мало подходили къ модной французской обстановкѣ.

Кайнъ, проходя, невольно взглянула на стѣну. Разсмотрѣть она ничего не могла, такъ какъ въ комнатѣ еще было слишкомъ темно, но ей показалось, что невидимые глаза смотрятъ на нее съ укоризной: Юганна-Елизавета не дала наслѣдника угасающему роду владѣтелей Ангальтъ-Цербста. Кайнъ вся сжалась и пошла скорѣе.

У дверей угловой комнаты она остановилась и приложила ухо къ замочной скважинѣ. За дверью раздавались знакомые шаги. Въ тишинѣ чуть занимавшагося утра, они показались Кайнъ непривычно тяжелыми: Христианъ-Августъ утомился. Онъ прошагалъ такъ цѣлую ночь.

Кайнъ стало больно: радость его не будетъ полной.

— Ваше высочество, примите мое почтительнѣйшее поздравленіе съ рожденіемъ дочери, принцессы Ангальтъ-Цербетской.

Голосъ Кайнъ въ эту торжественную минуту приблизился къ трубному, а ея реверансу могла бы позавидовать лучшая фрейлина Брауншвейгскаго дома.

— Я надѣялся, что Богъ пошлетъ намъ сына.

Возбужденіе отъ ожиданія сразу упало. Христіанъ-Августъ почувствовалъ, что усталъ. Онъ сѣлъ въ глубокое кресло, громоздкое и старинное, какъ и вся мебель въ его комнатѣ.

Онъ сидѣлъ, не двигаясь и прикрывъ рукой глаза. Передъ нимъ стояла застывшая въ своей почтительной позѣ Кайнъ. Руки ея были сложены на плоской груди, а глаза, единственное красивое, что было у старой и довольно безобразной дѣвицы, съ любовью смотрѣли на Христіана-Августа.

Какъ онъ отяжелѣлъ за послѣднее время. Постарѣлъ. Съ той поры, какъ онъ покончилъ съ военными походами, женился и поселился въ Штеттинѣ, фигура его стала замѣтно грузнеть. Кайнъ знала, что подъ пышнымъ бѣлокурымъ парикомъ у принца спрятаны рѣдкіе сѣдѣющіе волосы.

Она не выдержала и, нагнувшись, поцѣловала край бархатнаго камзола Христіана-Августа.

— Благодарю васъ, я знаю, что вы вѣрная слуга нашего дома, вотъ почему я и не пытался скрывать отъ васъ мои чувства. Угасаетъ нашъ родъ, Кайнъ. Ни у кого изъ Ангальтъ-Цербетскихъ нѣтъ сына.

— Будемъ надѣяться, ваше высочество, что Господь пошлетъ вамъ въ недалекомъ будущемъ и не одного сына для продолженія славнаго рода.

— Будемъ надѣяться!

Христіанъ-Августъ всталъ съ кресла и потряхнулъ головой,

точно хотѣлъ отогнать всякія темныя мысли. И дѣйствительно, лицо его посвѣтлѣло.

— Какое имя дадите вы новорожденной, ваше высочество?

— Мы назовемъ ее въ честь трехъ тетокъ Софіей-Августой-Фредерикой, — отвѣтилъ принцъ. — А теперь, проводите меня къ женѣ и дочери.

Ничего, кромѣ радости, не было теперь на открытомъ и безконечно добромъ лицѣ Христіана-Августа. Быстрой, почти молодой походкой онъ вышелъ изъ комнаты. За нимъ, стараясь умѣрить длину своихъ шаговъ, слѣдовала Кайнъ.

Портреты предковъ въ длинномъ залѣ уже не были такими черными, какъ часъ тому назадъ. Въ окна смотрѣлъ разсвѣтъ. Кайнъ подумала, что, быть можетъ, радость Христіана-Августа смягчила оскорбленныхъ предковъ, и они примирились съ рожденіемъ дѣвочки.

И какъ только она это подумала, въ приходской церкви имени святой Маріи, стоявшей какъ разъ на углу улицы, гдѣ жилъ командиръ, ударили въ колоколь. Этотъ ударъ подхватили колокола въ разныхъ концахъ города. Колокольный звонъ всколыхнулъ тишину еще спавшаго Штеттина.

— Слышите, какъ звонятъ, ваше высочество? — почти крикнула Кайнъ.

— Слышу, конечно, Кайнъ. — Христіанъ-Августъ невольно остановился. — Сегодня праздничный день. Мы забыли объ этомъ.

— Тому, кто родился въ праздничный день, предназначается судьба другая, чѣмъ обыкновеннымъ будничнымъ людямъ. Ея высочество Софію-Августу-Фредерику ждетъ необыкновенная блестящая будущность.

Кайнъ сказала это съ большой увѣренностью. Христіанъ-

Августъ зналъ, что Кайнъ вѣритъ въ разныя примѣты и себя считаетъ „отмѣченной“, потому что родилась въ воскресный день. При всякомъ удобномъ случаѣ она увѣряла всѣхъ, что, именно, благодаря этому, видитъ то, что скрыто отъ другихъ, простыхъ смертныхъ. Христіанъ-Августъ зналъ эту слабость Кайнъ и не сталъ съ ней спорить.

— Будемъ надѣяться, что, съ помощью Божіей, это такъ и будетъ,—сказалъ онъ и съ этими словами открылъ дверь въ комнату жены.

Кайнъ осталась въ залѣ, втягивая воздухъ своимъ длиннымъ носомъ. Ей показалось, что откуда-то тянетъ гарью. Она бросилась въ корридоръ, куда выходила комната маленькой принцессы и, не помня себя отъ страха, почти ворвалась туда.

Двѣ дамы, утомленные безсонной ночью и возбужденіемъ отъ интересныхъ разговоровъ, задремали, наконецъ, на диванчикѣ.

Отъ крика Кайнъ онѣ обѣ вздрогнули и откинулись въ разныя стороны, поправляя сбившіеся чепцы.

— Да что же это такое?—кричала Кайнъ и тормошила храпѣвшую Христи.—Изъ жаровни пламя такъ и пышетъ! Того и гляди, пожаръ начнется. Вы только взгляните на стѣну.

Дѣйствительно, стѣна около самой колыбельки, гдѣ развели жаровню, уже совсѣмъ почернѣла отъ копоти. Въ колыбелькѣ же, не подозрѣвая ни о какой опасности, крѣпко спала Софія-Августа-Фредерика.

— Идите отдыхать. Все равно вы больше ни на что не способны,—сказала Кайнъ, успокоенная на счетъ маленькой принцессы.—Я здѣсь останусь съ Христи.

Дамы не заставили повторить предложеніе. Имъ страшно

хотѣлось спать, а кромѣ того онѣ знали, что разсер-
женная Кайнѣ способна кричать часами. Баронесса фонъ-
Принтенъ и вдова фонъ-Гагендорфъ исчезли въ дверяхъ,
подбирая свои широчайшія оборки.

Кайнѣ сѣла возлѣ колыбельки.

Въ окошко смотрѣло ясное утро ранней весны, и во всѣхъ
штеттинскихъ церквахъ громко раздавался праздничный ко-
локольный звонъ.

III.

Прошло шесть лѣтъ съ той весенней ночи, когда Софію-
Августу-Фредерику или Фигхенъ, какъ звали ее въ домѣ,
положили въ колыбельку возлѣ разведенной жаровни.

У Фигхенъ было уже два брата: четырехлѣтній Вилли и
совсѣмъ маленькій Фрицъ, и семья жила не на прежней
квартирѣ, а въ старомъ штеттинскомъ замкѣ, потому что
Христіанъ-Августъ былъ назначенъ комендантомъ города.

Квартира была просторная. Она помѣщалась въ лѣвомъ
крылѣ замка, въ третьемъ этажѣ его, какъ разъ возлѣ церкви.
Замокъ былъ построенъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ.
Строили его бывшіе владѣтели края, померанскіе герцоги въ
тѣ времена, когда люди должны были вѣчно думать о томъ,
какъ бы оберечь себя отъ нападений. И замокъ вышелъ боль-
шой, крѣпкій, тяжелый и прочный. Окнами онъ выходилъ на
большой дворъ, сжатый съ трехъ сторонъ каменными стѣнами
и вымощенный плитами.

Фигхенъ отдѣлили три комнаты, гдѣ она помѣщалась
вмѣстѣ со своей гувернанткой.

Мать Фигхе часто оставляла дѣтей. Она любила путе-
шествовать и ѣздила то въ Гамбургъ къ матери, то въ

Брауншвейгъ къ крестной. Она такъ не любила сидѣть дома, что ѣздила за мужемъ въ Берлинъ, куда онъ отправлялся по дѣламъ службы, и въ Цербстъ, хотя и не выносила тихой скучной жизни маленькаго двора.

Да и когда Иоганна-Елизавета никуда не уѣзжала, Фигхенъ была все-таки предоставлена гувернанткѣ. Мать довольно равнодушно относилась къ дочери. Мальчиковъ, особенно старшаго, она любила нѣжнѣе. Но все же ей непремѣнно хотѣлось, чтобы ея дочь воспитывалась, какъ настоящая принцесса.

Съ двухлѣтняго возраста она сдала дѣвочку на попеченіе французенки, чтобы та обучила ее французскому языку, пріятнымъ манерамъ и любезности.

Магдалина Кардель сама знала очень мало, а воспитывать и учить совѣмъ не умѣла. Когда Фигхенъ не слушалась или капризничала, гувернантка задабривала ее вареньемъ, леденцами, а когда ни того, ни другого подъ рукой не случилось, то и просто сахаромъ.

Фигхенъ была упряма и капризна, лечить ее отъ этихъ недостатковъ приходилось очень часто, и она грызла леденцы и сахаръ такъ, что у нея стали портиться и болѣть зубы. Но Кардель это не смутило. Фигхенъ любила сладкое и въ концѣ концовъ дѣлала то, что отъ нея требовала гувернантка. М-ле Кардель была довольна.

И родители были довольны гувернанткой.

Французенка умѣла имъ показывать дочку съ ея хорошихъ сторонъ. Фигхенъ въ четыре года уже бойко читала по-французски. М-ле Кардель выучить съ нею наизусть кусочекъ, а потомъ заставить его прочесть при родителяхъ по книжкѣ. Фигхенъ читала, а отецъ съ матерью хвалили ее и восхищались гувернанткой.

Фигхенъ даже какъ будто похорошѣла при Кардель. До нея она была настоящимъ уродцемъ. И длинный носъ, и огромный лобъ, и тонкія поджатыя губы—все это было довольно некрасиво, но хуже всего былъ подбородокъ. Онъ такъ торчалъ впередъ и былъ такой острый, что окончательно безобразилъ и безъ того некрасивое лицо.

Юганна-Елизавета никакъ не могла примириться съ тѣмъ, что у нея такая некрасивая дочка.

— Нѣтъ, и въ кого она такая уродилась?—часто съ отчаяніемъ говорила она своимъ близкимъ. — Всѣ сестры у меня красивыя.

— Сами вы настоящая красавица, — торопились прибавить тѣ, съ кѣмъ она говорила. И это не было лестью. Юганна-Елизавета дѣйствительно была очень красива. На всѣхъ празднествахъ и въ Брауншвейгѣ, и въ Берлинѣ ея красота дѣлала ее замѣтной даже въ толпѣ.

— Дѣвочка, конечно, не такъ красива какъ ты, — отзвывался обыкновенно на жалобы своей супруги Христіанъ-Августъ, — но она очень умненькая, а по характеру настоящій ангель.

М-лле Кардель дѣлала такъ, что отецъ считалъ свою дочь ангеломъ кротости.

Когда она приходила къ родителямъ, тщательно завитая и заботливо одѣтая искусными руками французенки, никому и въ голову не могло притти, что она какъ разъ передъ тѣмъ бѣгала босикомъ у себя по комнатѣ. Почему-то это ей ужасно нравилось, а м-лле Кардель не любила лишнихъ споровъ.

Только фрейлейнъ Кайнъ неодобрительно качала головой, когда заставляла Фигхенъ босой, и всегда при этомъ говорила:

— Вы совсѣмъ забываете, что вы принцесса. Фигхенъ никогда этого не забывала, но жизнь ея была такъ не похожа на жизнь принцессы, что она не считала нужнымъ отказывать себѣ въ удовольствіи побѣгать босикомъ.

Принцесса! Развѣ принцессы такъ живутъ? У принцессы свой замокъ, богатое, вышитое золотомъ платье. За принцессами ходить пышно разодѣтая свита, пажи. Мама разсказывала, какъ живутъ принцы. У нихъ все вокругъ золото, серебро, бархатъ, постоянные праздники, охоты, маскарады...

Въ домѣ у Фигхенъ все по-другому, а между тѣмъ, нѣтъ—нѣтъ, а кто-нибудь да и повторить ей опять:

— Принцесса не должна этого дѣлать. Принцессы такъ не ведутъ себя.

Къ Фигхенъ ходитъ учитель танцевъ. Во время урока онъ ставитъ ее на столъ. Фигхенъ такъ мала что ему трудно слѣдить за ея ногами, когда она стоитъ на полу.

Фигхенъ часами продѣлываетъ разные мудреные па и реверансы. Реверансовъ этихъ, отъ едва замѣтнаго присѣданія до глубочайшаго поклона, столько, что и пересчитать трудно. Фигхенъ то и дѣло ихъ путаетъ, а учитель каждую минуту повторяетъ одно и то же:

— Умѣть кланяться для принцессы необходимо.

Принцесса обязана знать, кому и какъ надо дѣлать реверансы. Фигхенъ скучно и трудно. Почему же другимъ принцессамъ такъ хорошо и весело живется а ей оттого, что она принцесса, только скучно и трудно?

Наконецъ, конченъ томительный урокъ, и она бѣжитъ во дворъ замка или идетъ съ m-ле Кардель на городскую площадь, гдѣ обыкновенно собираются дѣти.

— Здравствуй, Фигхенъ! Наконецъ-то ты пришла! Давай играть!

Она съ нами! Нѣтъ, съ нами.

Всѣ наперерывъ стараются залучить къ себѣ Фигхенъ. Она незамѣнимый товарищъ въ играхъ, сама придумываетъ, какъ играть, больше всѣхъ суетится, хлопочетъ. Одно только иногда не нравится въ ней дѣтямъ: ужь очень любитъ она распоряжаться.

— Не позволимъ командовать! Вотъ еще нашлась указчица. Самая маленькая и распоряжается!—возмущаются иногда дѣти.

Покричатъ, пошумятъ, а потомъ Фигхенъ опять все по своему сдѣлаеть, и опять ея всѣ слушаются.

Разъ только совсѣмъ не послушались. Цѣлая исторія вышла. Пришла Фигхенъ въ городской садъ и объявила:

— Давайте играть въ новую игру. Принцессу похитятъ разбойники, потомъ за ними будетъ погоня, битва, а потомъ принцессу освободятъ. Хотите такъ играть?

— Хотимъ, хотимъ, закричали дѣти.

— Тогда надо выбрать принцессу, разбойниковъ и освободителей.

Фигхенъ не сомнѣвалась, что принцессой выберутъ ее, но выбрали другую дѣвочку.

— Вотъ Минна будетъ принцессой. У нея длинные волосы, какъ у принцессы на картинкѣ: иди впередъ, Минна!

И дѣти вытолкнули изъ своей толпы бѣлокурую длинноволосую дѣвочку съ длинными свѣтлыми рѣсницами. Въ одну минуту очутилась передъ нею Фигхенъ.

— Не надо ея. Я принцесса.

Фигхенъ стояла, нахмурившись и сжавъ въ ниточку свои тонкія губы. Острый подбородокъ выдвинулся впередъ. Она была похожа на сердитаго пѣтушка, приготовившагося клюнуть. Минна растерялась, смутилась и пятилась назадъ, смѣшно

разставивъ руки и жалко моргая свѣтлыми рѣсницами. Ей больше всего хотѣлось какъ можно скорѣй втиснуться опять въ толпу вытолкнувшихъ ее дѣтей, но тѣ не пускали.

— Ее выбрали. Не надо другой. Минна будетъ принцессой. Прочь, Фигхенъ!

— Да, вѣдь, я принцесса, я настоящая принцесса!—кричала Фигхенъ и наступала на дѣтей, вся красная отъ гнѣва. — Вы глупые и ничего не понимаете. И не надо мнѣ, чтобъ вы меня выбрали. Не выберете, а я все-таки принцесса! Дѣти шумѣли, кто-то крикнулъ со смѣхомъ: — Хороша принцесса, нечего сказать!

Тутъ началось такое, что на шумъ и крикъ прибѣжали старшіе, но разобрать ничего не могли. Поняли только, что Фигхенъ хвастаетъ, а дѣти надъ ней смѣются.

Какъ ни скрывала m-elle Кардель всякія исторіи, случавшіяся съ воспитанницей, но слухъ о томъ, что произошло въ городскомъ саду, дошелъ до Юанны-Елизаветы. Она призадумалась, потомъ позвала фрейлейнъ Кайнъ:

— Съ этого дня Фигхенъ будетъ выходить навстрѣчу приходящимъ ко мнѣ дамамъ и почтительно цѣловать полу ихъ платья, какъ это дѣлаютъ дѣвочки въ другихъ домахъ.

— Но, ваше высочество, дѣвочки эти не принцессы,—попробовала возразить Кайнъ. Ей показалось, что честь Ангальтъ-Цербтскаго дома затронута этимъ распоряженіемъ.

— Довольно, Кайнъ,—остановила ее Юанна-Елизавета.— Съ нѣкоторыхъ поръ я замѣчаю въ дочери моей проявленіе суетнаго тщеславія. Необходимо подавить его.

Фигхенъ долго не могла привыкнуть къ своей новой обязанности. Цѣлуя полу платья какой-нибудь разряженной дамы, она дѣлала при этомъ такое лицо, что гостья лишній разъ жалѣла красавицу-мать, у которой дочь такой непріятный уродецъ.

И не успѣла Фигхенъ справиться съ этой неприятностью, какъ съ нею случилась новая бѣда.

M-elle Кардель вдругъ придумала выходить замужъ. Сначала Фигхенъ показалось, что это даже, какъ будто, и весело. Послѣднее время передъ свадьбой m-elle Кардель совсѣмъ не обращала вниманія на свою воспитанницу, и та дѣлала, что хотѣла.

И на свадьбѣ было очень весело. Фигхенъ первый разъ въ жизни была на свадьбѣ. Ей позволили посидѣть за свадебнымъ столомъ, она угощалась конфетами, пила шампанское. Было такъ весело, вкусно и хорошо. И вдругъ Фигхенъ сказали, что ей пора ложиться спать. Ей не хотѣлось ити въ скучную дѣтскую, и она стала плакать, а потомъ, когда оказалось, что Кардель съ нею туда больше не поидетъ, Фигхенъ подняла такой крикъ, что ее на рукахъ унесли въ спальную къ матери и здѣсь уложили на кровать.

— Теперь, надѣюсь, ты понялъ, что дочка наша далеко не ангель,—сказала мужу раздраженная Юганна-Елизавета, когда наплакавшаяся дѣвочка, наконецъ, заснула.

— Да, она не такъ кротка, какъ я думалъ,—наклонившись надъ всхлипывавшей во снѣ Фигхенъ, проговорилъ Христіанъ-Августъ.—Бѣдняжка!—прибавилъ онъ нѣжно,—она такъ привыкла къ своей гувернанткѣ.

— Надо будетъ пригласить ей другую. Я думаю взять сестру Магдалины—Елизавету. Не сомнѣваюсь, что у ней съ дѣвочкой все поидетъ такъ же гладко, какъ и у сестры.

Но Юганна-Елизавета ошиблась. У Фигхенъ съ новой Кардель все пошло совсѣмъ по-другому.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На родинѣ первыхъ людей.

XXVII.

Г р и ф ы.

ВОЗВРАЩАЯСЬ по ущелью къ своимъ лошадямъ, они увидели на днѣ его стаю коршуновъ, копошившихся надъ убитымъ на поединкѣ трупомъ архара.

— Погоди, — остановилъ своего пріятеля Якубъ. Можетъ быть, намъ удастся еще подстрѣлить грифа. Видишь, они кружатъ надъ этимъ мѣстомъ?

— Но, вѣдь, они видятъ насъ и, конечно, не спустятся.

— Намъ надо спрятаться. Вонъ тамъ, подъ нависшей скалой очень удобное мѣсто, и не такъ далеко отъ трупа.

Пріятели прокрались подъ нависшую скалу, гдѣ оказалось что-то вродѣ грота, закрытаго густымъ кустарникомъ и, притаившись, стали поджидать грифовъ.

Прошло около полчаса; коршуны не переставали копошиться около трупа. Вдругъ сверху послышался какой-то странный дребезжащій звукъ, и огромный грифъ, поджавъ крылья, словно камень, упалъ около того самаго мѣста, гдѣ лежалъ трупъ архара, но, немного не долетѣвъ до земли, онъ распустилъ свои могучія крылья и, тихо облетѣвъ нѣсколько разъ вокругъ трупа, сѣлъ на ближайшую скалу и нѣсколько минутъ оставался на ней неподвижнымъ, точно изваяніе. Коршуны и вороны, копожившіеся до того времени возлѣ трупа, съ шумомъ разлетѣлись прочь по сторонамъ, чтобы уступить мѣсто царю горь.

Но вотъ грифъ слетѣлъ со скалы на землю, переваливаясь, подошелъ къ добычѣ и началъ рвать изъ нея куски и

жадно глотать ихъ. Нетерпѣливый Семеновъ началъ было наводить на него дуло ружья, но въ это самое время въ воздухѣ снова послышался дребезжащій звукъ, и второй грифъ, подобно первому, камнемъ упалъ на землю и, покруживъ около добычи, тоже усѣлся подлѣ. Слѣдомъ за нимъ стали спускаться новые грифы, и вскорѣ возлѣ трупъ собралось болѣе десятка огромныхъ птицъ, тотчасъ же начавшихъ ссору изъ-за добычи. Распустивъ крылья и съ угрожающимъ видомъ, они стали наступать другъ на друга. Однако дѣло до драки не дошло. Попугавъ другъ друга угрожающими жестами, они стали рвать трупъ архара и съ жадностью глотать куски его мяса.

Но въ то время, какъ грифы увлеклись ѣдой, охотники, переглянувшись, навели ружья, и почти одновременно грянуло два выстрѣла. Испуганная птицы вспорхнули, но двѣ изъ нихъ остались на мѣстѣ: одна, пораженная пулею прямо въ голову, была безъ движенія, другая съ перебитымъ крыломъ напрасно пыталась подняться на воздухъ. Не рѣшаясь подойти близко къ могучей птицѣ, Семеновъ, нацѣливъ изъ второго ствола въ голову, пристрѣлилъ и второго грифа.

Убитыя птицы имѣли въ размахѣ крыльевъ до полуторы сажени. Клювы у нихъ были длинные, прямые почти до самой верхушки и лишь на самомъ концѣ кругло-загнутые. Голова у одной была голая, у другой покрыта пухомъ. Длинные пальцы ногъ были снабжены короткими, тупыми и мало согнутыми когтями.

Грифъ — это среднее между орломъ и коршуномъ. Они отличаются зоркими глазами и могутъ различать съ огромной высоты до мелочей все, что дѣлается на землѣ. Однако, не смотря на свой ростъ, значительную силу когтей и громадный клювъ, птицы эти далеко не опасны для другихъ животныхъ,

такъ какъ питаются главнымъ образомъ падалью, которую зорко высматриваютъ съ горныхъ высотъ. Онѣ часто держатся вблизи охотниковъ, чтобы ѣсть убитыхъ звѣрей. И если только грифы видѣли, какъ охотникъ прячетъ свою добычу подъ хворостъ, чтобы прійти за нею потомъ, онѣ не замедлятъ разворотить хворостъ и наѣстся досыта.

— Такъ вотъ это, должно быть, и есть то самое чудовище-грифонъ, которое греки когда-то изображали въ видѣ крылатаго животнаго, имѣющаго тѣло льва, а крылья и голову орла, — сказалъ Семеновъ, подходя къ пристрѣленной имъ птицѣ и рассматривая ее.

— Да, но то было давно, и съ тѣхъ поръ онъ успѣлъ значительно измѣниться и сталъ больше походить на птицу, чѣмъ на звѣря, — замѣтилъ Якубъ.

А не дурно было бы взять хоть одинъ экземпляръ съ собой на чучело для музея. Только возни съ нимъ много будетъ въ дорогѣ: пока доведемъ въ Вѣрный, отъ него одни перышки останутся.

— Это точно, что такую машину въ тюкъ къ верблюду не уторкаешь безъ особыхъ приспособленій.

XXVIII.

На волосокъ отъ смерти.

Пока пріятели болтали такимъ образомъ и соображали, что имъ дѣлать съ убитыми грифами, въ глубинѣ ущелья послышался какой-то отдаленный зловѣщій шумъ и грохотъ.

— Что это: не землетрясеніе ли? — спросилъ Семеновъ, вопросительно глядя на Якуба. Онъ зналъ, что въ этихъ мѣстахъ землетрясенія не рѣдки.

Но Якубъ, какъ болѣе знакомый съ гористыми мѣстно-

стями, прислушавшись къ шуму, который точно приближался въ нимъ, покачалъ головой и тревожно проговорилъ:

— Нѣтъ, другъ, это не землетрясеніе, а только, пожалуй похуже будетъ. Намъ надо какъ можно скорѣе бѣжать отсюда иначе мы пропали: это—наводненіе!

И, схвативъ винтовку, онъ пустился бѣжать изъ ущелья безъ оглядки; слѣдомъ за нимъ и Семеновъ.

Они бѣжали вонъ изъ ущелья по направленію къ оставленнымъ ими на привязи лошадямъ, надѣясь, что на лошадяхъ спасутся отъ опасности, но каково же было ихъ отчаяніе и ужасъ, когда они увидали, что лошади, перепуганныя приближающимся грохотомъ горнаго потока, оборвали привязь и, сломя голову, несутся вонъ изъ ущелья.

Узкое горное ущелье съ голыми отвѣсными стѣнами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было не болѣе трехъ - четырехъ сажень ширины и представляло изъ себя русло горнаго ручья, прорывшаго эти горы. Страшный шумъ потока, несущагося по слѣдамъ охотниковъ, приближался съ невѣроятною быстротой, и, повидимому, не представлялось никакой возможности спастись, если только они не успѣютъ выбѣжать изъ ущелья въ долину. Но бѣжать нужно было болѣе версты, а потокъ ревѣлъ уже за плечами. Вдругъ Якубъ увидалъ широкую трещину, спускающуюся съ высоты почти отвѣсной стѣны и служившую ложемъ для стока воды во время дождей сверху. Въ отчаяніи онъ мигомъ повернулъ къ этой щели и, какъ горный баранъ, началъ карабкаться наверхъ по едва замѣтнымъ выступамъ почти отвѣсныхъ скалъ. На высотѣ пяти - шести сажень отъ дна ущелья въ этой расщелинѣ оказался мелкій кустарникъ, за который Якубъ и началъ цѣпляться, поднимаясь все выше и выше. Семеновъ, слѣдовавшій по пятамъ за своимъ другомъ, тоже бросился къ расщелинѣ и тоже сталъ карабкаться слѣдомъ

за Якубомъ. Едва только они успѣли добраться до кустарника, какъ со страшнымъ ревомъ и грохотомъ, сметая все на своемъ пути, пронесся подъ самыми ихъ ногами бѣшеный водяной потокъ. Промедли наши пріятели всего какихъ-нибудь полминуты, и они были бы унесены, какъ букашки, грозной водной стихіей. Волны съ грохотомъ наскакивали одна на другую, разсыпались брызгами и пѣною, растирали въ песокъ мелкую гальку и уносили все, что попадалось на пути.

Мигомъ глубокое дно ущелья наполнилось мутной, желтовато-сѣрой водой, бурно стремившейся въ долину. Среди страшнаго рева воды слышно было, какъ сталкивались и ударялись въ боковыя ограды огромныя каменные глыбы съ такою силою, что земля дрожала, точно отъ вулканическихъ ударовъ. Вода тащила цѣлыя груды деревьевъ, мелкихъ и крупныхъ камней и бросала ихъ въ стороны. Вскорѣ дно ущелья было завалено камнями, грязью и обломками деревьевъ, вывороченныхъ съ корнемъ, переломанныхъ и перетертыхъ въ мелкіе кусочки.

— Поднимайся выше! Иначе насъ, какъ таракановъ, унесетъ потокомъ!—закричалъ Семеновъ Якубу.

— Некуда дальше лѣзть: вверху крутой обрывъ, — отвѣтилъ тотъ.

Семеновъ поравнялся съ нимъ, и оба усѣлись на небольшомъ выступѣ, держась за вѣтви мелкаго кустарника.

— Неужто насъ достанетъ?—спросилъ Семеновъ.

— Можетъ быть, достанетъ, а, можетъ быть, и нѣтъ, — отвѣтилъ Якубъ.

— А вѣдь, вода, все прибываетъ.

Дѣйствительно, вода продолжала прибывать и достигала уже пріятелей, а, между тѣмъ, имъ и на вершокъ подняться выше не представлялось никакой возможности.

— И съ чего бы это? Вѣдь, ни дождя, ни грозы съ самаго утра не было. Весь день былъ такой прекрасный, — сказалъ Семеновъ.

— Не было здѣсь, значитъ, была сильная гроза гдѣ-то далеко въ горахъ, вотъ и наводненіе. А то откуда бы ему взяться?

— И долго намъ здѣсь придется сидѣть? — спросилъ Семеновъ.

— А что, уже соскучился? Я готовъ сидѣть тутъ сколько угодно, только бы не попасть въ этотъ бѣшенный потокъ.

Однако, къ счастью для пріятелей, вода перестала подниматься и вскорѣ пошла быстро на убыль. Ущелье вынесло всю воду въ долину.

Пріятели вздохнули свободнѣй. Черезъ какихъ-нибудь полчаса вода настолько спала, что обнажилось дно ущелья, заваленное разнымъ хламомъ: наноснымъ пескомъ, гальками, камнями, разбитыми въ щепы деревьями и свѣжими вѣтвями.

Переждавъ еще немного, когда вода окончательно исчезла, охотники спустились внизъ и направились къ выходу изъ ущелья.

— Дешево мы отдѣлались, даже ружья спасли! — сказалъ Семеновъ.

— Но за то потеряли и архаровъ, и грифъовъ. А я-то мечталъ, что у насъ сегодня будетъ такой вкусный обѣдъ! — смѣясь, говорилъ Якубъ.

XXIX.

Безпокойство Барлыбая.

Тѣмъ временемъ Барлыбай былъ страшно встревоженъ. На стоянкѣ все слышали ревъ потока, а когда увидали выбѣжавшихъ изъ ущелья лошадей безъ всадниковъ, а слѣдомъ затѣмъ хлынувшій изъ него потокъ воды, то невольно подумали,

что съ молодыми охотниками случилось несчастье. Мрачное ущелье, изрыгавшее изъ себя такую лавину воды, почти не оставляло надежды, что Якубъ съ Семеновымъ могли спастись.

Велика была поэтому радость Барлыбая, когда онъ, по обращеніи потока, пошелъ въ ущелье отыскивать трупы своего сына и его товарища и увидалъ обоихъ юношей здоровыми и невредимыми, съ веселыми шутками шедшими ему навстрѣчу.

— Ахъ, гимназія, сколько я тутъ за васъ страху натерпѣлся!—воскликнулъ онъ.—И вѣдь надо же было случиться, чтобы этотъ потокъ разразился именно въ то время, когда вы были въ ущельѣ: ни раньше, ни позже!

— Случайность, Барлыбай Тулековичъ, — замѣтилъ Семеновъ.

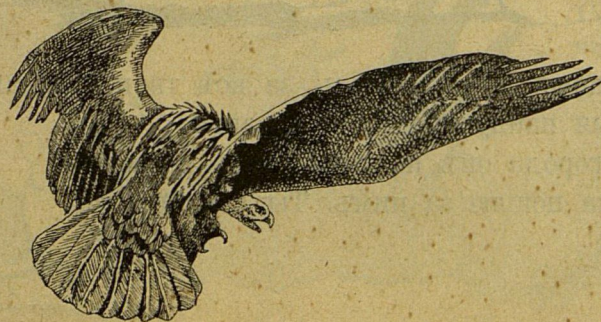
— Случайность!—передразнилъ его Барлыбай.—Нѣтъ, не случайность, а на то, значить, была воля Аллаха: у него случайностей не бываетъ. Ну, а гдѣ же ваши архары?

— Объ этомъ вамъ лучше знать, нашихъ архаровъ потокъ унесъ къ вамъ въ долину,—отвѣтилъ Семеновъ.

— А я боялся, не унесъ ли онъ и васъ съ собой въ долину? Рассказывайте же, шайтанъ васъ задави, какъ вамъ удалось спастись?

Нашимъ пріятелямъ ничего не оставалось, какъ исполнить приказаніе Барлыбая и подробно разсказать о всемъ случившемся.

(Продолженіе слѣдуетъ).

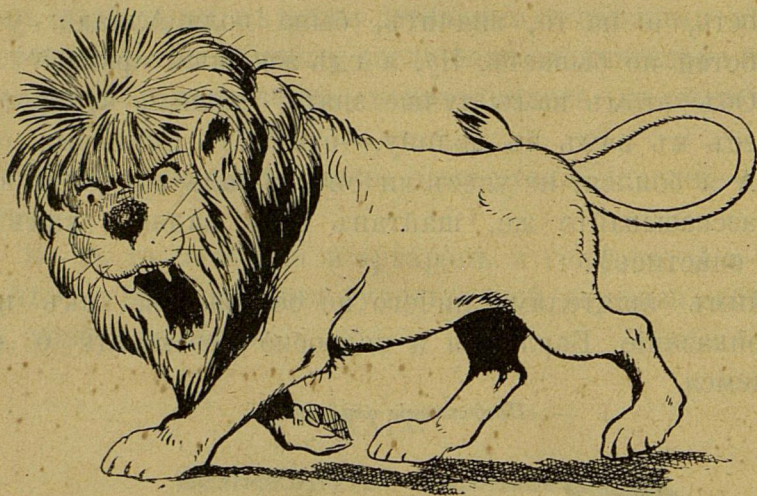

Жизнь Хитролиса.

(Приключеніе девятнадцатое).

Какъ Хитролисеъ угоестилъ Тигрика мышами.

ЕЩЕ въ лѣсу ползли разсвѣтныя туманы,
Когда вернулся Буръ. Сочились кровью раны
На мордѣ у него; вся въ шрамахъ голова,
И лапы по землѣ онъ волочилъ едва.
Все, что случилось съ нимъ, онъ, воя, рассказалъ.
Отъ гнѣва страшнаго король весь задрожалъ,
Сталъ гривую трести, бока хлестать хвостомъ
И такъ взревѣлъ, что лѣсъ шататься сталъ кругомъ.

„Мой бѣдный Буръ, повѣрь, за всѣ твои страданья
Достойныя найду злодѣю наказанья.
Отъ Благорода онъ пощады пусть не ждетъ!
Я Тигрика пошлю за нимъ. Ты ловкій котъ,

На судъ мнѣ приведи ты Лиса—негодяя,
На хитрость хитростью такой же отвѣчая“.

„Меня избрали вы, о государь, напрасно.

Вѣдь предпріятіе и трудно, и опасно.

Я вамъ служить готовъ, но я, вѣдь, очень малъ,“

Въ смущеньѣ сморщившись, котъ Тигрикъ отвѣчалъ.

И грустно мордочкой усатую поникъ.

Левъ возразилъ: „И малъ да дорогъ золотникъ,

Пословица людей не даромъ намъ вѣщаетъ,

И часто тонкій умъ намъ силу замѣняетъ.

Иди моимъ посломъ, отбросивъ всѣ сомнѣнья.

Богатое тебѣ я дамъ вознагражденье.“

Тутъ, дѣлать нечего, побрелъ уныло котъ.

Тропинкою лѣсной, нахмурясь, онъ идетъ,

Какъ вдругъ къ нему летитъ, и черный весь и мрачный,

Самъ воронъ Гордоклювъ. „Вотъ день-то незадачный!

Онъ мнѣ пророчество недоброе несетъ,“

Подумалъ про себя съ досадой Тигрикъ-котъ.

Онъ зналъ, что Гордоклювъ упрямаго былъ нрава,

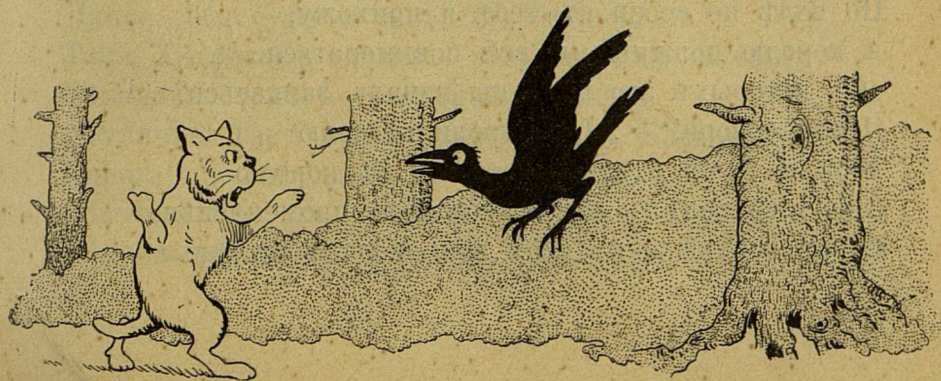
Но все же закричалъ: „Пожалуйста, направо

Ты отъ меня лети!“ Но воронъ не хотѣлъ

Направо дѣлать крюкъ, налѣво полетѣлъ

Къ соснѣ, гдѣ средь вѣтвей, закрытый хвоей темной,

Сынъ-вороненокъ ждалъ, раскрывъ свой клювъ огромный.

„Налѣво пролетѣлъ — недобрая примѣта!“

Подумалъ грустно котъ. „Сживеть меня со свѣта

Противный Хитролисъ, я такъ того и жду:

На гибель вѣрную сегодня я иду.“

И стало на душѣ у Тигрика тревожно.

Межъ тѣмъ изъ Мопертви тихонько, осторожно,

Боясь, чтобъ кто-нибудь его не увидалъ,

И взглядываясь въ даль, самъ Хитролисъ шагаль.

Въ одинъ прекрасный мигъ тропинки ихъ скрестились,

И оба невзначай носъ къ носу очутились.

„Ахъ, братецъ!“ молвилъ котъ, „а я тебя искалъ.“

„Къ твоимъ услугамъ, братъ!“ усѣвшись, отвѣчалъ

Съ насмѣшкой Хитролисъ. „Такъ объясни: въ чемъ дѣло?“

„Ты не вини меня“, промолвилъ котъ несмѣло,

„Я дружбою твоей ужасно дорожу.

По волѣ не своей къ тебѣ я прихожу,

А королю должны мы все повиноваться...“

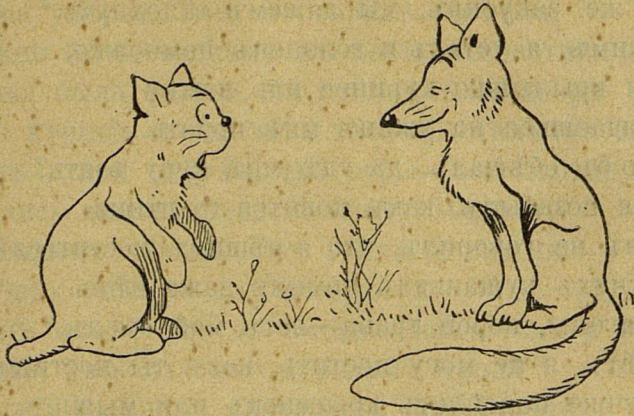
„Съ которыхъ это поръ ты началъ заикаться?

Яенѣ говори!“ — „Я, Хитролисъ, молю

Тебя со мной итти сейчасъ же къ королю.

Онъ мнѣ велѣлъ вести тебя безъ промедленья,

Но въ сердцѣ я къ тебѣ исполненъ сожалѣнья:

Разгнѣванъ на тебя ужасно Благородъ,
Вся знать придворная, вассалы, весь народъ.
Тебѣ не одобровать! По дружбѣ я не скрою,
Что за тебя стоитъ одинъ Барсукъ горою.“
„Я Толстуна люблю: онъ родственникъ прекрасный.“
„За то и Бурь, и волкъ—тѣ въ ярости ужасной
И такъ тебя бранять, что страшно слушать ихъ.“
„Мнѣ брань ихъ не страшна: ни на ухахъ моихъ,
Ни на хвостѣ она, какъ видишь, не повисла,“—
Промолвилъ Хитролисъ. Котъ улыбнулся кисло.
„Не миновать того, что суждено судьбой.
Охотно, Тигрикъ, я на судъ пойду съ тобой.
Давно себя сужу я совѣстью смущенной.“
Такъ Хитролисъ сказалъ, вздыхая сокрушенно.
Обрадовался котъ счастливому исходу.
„Отлично! Такъ идемъ, немедля, къ Благороду.
Дорога дивная: давно не шли дожди.“
„Зачѣмъ же такъ спѣшить? Ты лучше подожди,
У насъ переночуй, а завтра утроемъ въ путь.

Теперь же, закусивъ, мы ляжемъ отдохнуть.“
„Положимъ, я усталъ и голоденъ немножко,
И, если крылышко куриное или ножку
Ты общаешься на ужинъ мнѣ подать...“
„Охотно бѣ общалъ, да гдѣ мнѣ куру взять?
Давно я позабылъ, какъ ловится-то птица.
Толстунъ не говорилъ, что я рѣшилъ поститься?
О прежнихъ кушаньяхъ помину даже нѣтъ.
Медъ, ягоды, порой трава—вотъ мой обѣдъ.“
„Ну, нѣтъ, я не могу постить, какъ ты постишь,
Мнѣ лучше подойдетъ крысенокъ или мышь.“
„Я помню, до мышей всегда ты былъ охотникъ.
Сапожникъ здѣсь живетъ, хорошій былъ работникъ,
Да овдовѣлъ теперь и очень захудалъ.
Въ амбарѣ у него нерѣдко я бывалъ.
Онъ за короткій срокъ развелъ въ немъ, ей-же ей!
Не менѣе двухсотъ откормленныхъ мышей.“
„Откормленная мышь—да это все, что нужно!“
„Тогда идемъ въ амбаръ. Работать будемъ дружно
И все, что намъ съ тобой поймать удастся вмѣстѣ,
Ни хвостика не взявъ, отдамъ тебѣ по чести.“
Котъ позабылъ свой страхъ и всѣ свои сомнѣнья,
За Лисомъ онъ бѣжитъ въ ужасномъ нетерпѣньѣ,
Мурлычетъ радостно и выгибаетъ спину.
Отправились, пришли къ сапожнику Мартыну.
Мартынъ, сапожникъ, былъ несчастнѣйшій мужикъ:
Онъ такъ любилъ жену, такъ съ нею жить привыкъ,
Что, потерявъ ее, онъ потерялъ охоту
И жить. Все тосковалъ, забросилъ всю работу,
А тутъ еще случись и градъ, и наводненье.
Посѣвъ весь выбило, размыло всѣ строенья.

Корова умерла. Коза въ горахъ пропала,
Должно быть, волкамъ въ пасть несчастная попала.
Свинья была больна, на птичьемъ же дворѣ
Лись куриць и цыплятъ таскать сталъ на зарѣ.
Одинъ худой пѣтухъ, три куры— всю скотину
Остались замѣнять несчастному Мартыну.
Его сынокъ хотѣлъ хотъ этихъ-то спасти.
Ловушку удалось ему изобреѣсти.
Ее онъ помѣстилъ въ амбаръ, какъ разъ у входа.
„Отецъ, ужъ изловлю я рыжаго урода!“
А рыжій-то уродъ пронюхалъ все, узналъ
И съ той поры въ амбаръ совѣмъ не залѣзалъ.
Сегодня же привелъ онъ Тигрика. „Въ амбарѣ
Сейчасъ изловимъ мы съ тобой мышей по парѣ.“

Замаялся Тигрикъ, бросилъ взглядъ
Въ дыру. Какъ выбратъса назадъ?

„Передъ дырою люди встать
Вѣдь могутъ, какъ тогда бѣжать?“

„Что такъ трусливъ ты—я не зналъ,“—
Съ презрѣньемъ Хитролись сказалъ.

„Тогда пойдемъ скорѣй домой,
Тебя маслинами, водой

Я угощу. Еще запасъ
Есть меда—и довольно съ насъ.“

Но голоденъ котъ Тигрикъ былъ,
А изъ амбара запахъ плылъ

Превкусный жирненькихъ мышей.

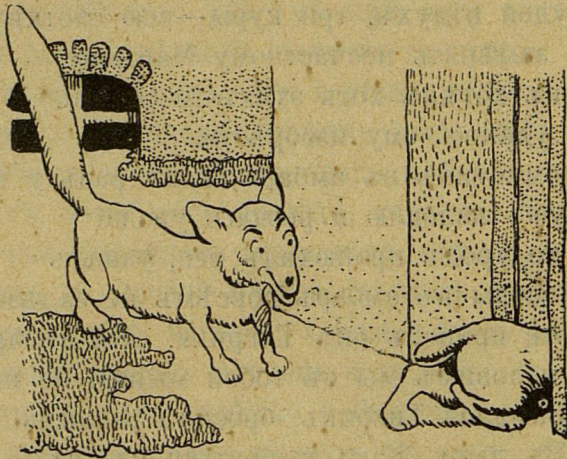
Лись повторялъ: „Идемъ скорѣй!

Маслинъ дорогой наберемъ

И ключевой водой запьемъ.

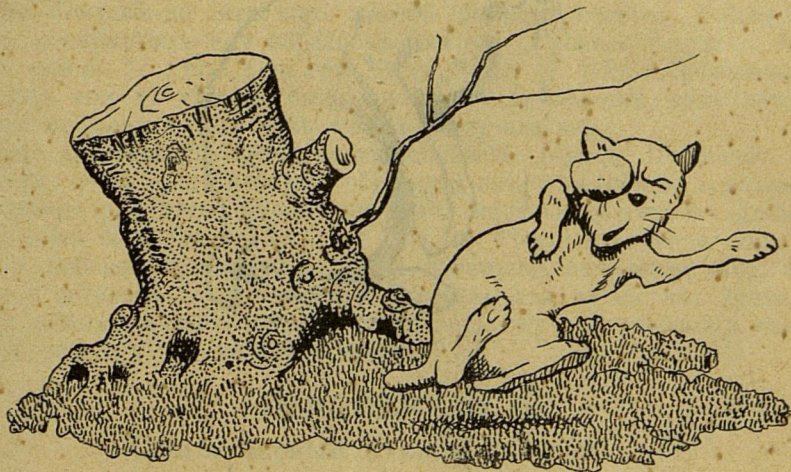
Вѣдь, для меня хотъ бы совѣмъ

Мышей и не было—не ѣмъ.“
Котъ больше выдержать не могъ,
Въ амбаръ со всѣхъ пустился ногъ
И—прямо въ петлю головой!

Послышался кошачій вой.
Бѣгутъ Мартынь и сынъ Мартына,
Чтобъ посмотрѣть, что за причина.
За ними—старая сосѣдка.
Она бывала тамъ не рѣдко,
Чтобъ зачинить бѣлье, прибрать
Избу, въ хозяйствѣ помогать.
Сынъ закричалъ: „Скорѣй, отецъ!
Въ мою ловушку, наконецъ,
Попала хитрая лисица.
Мы можемъ шкуркой поживиться“.
Но Тигрикъ выкрутился ловко,
Рвануль—и лопнула веревка.
Еще мгновенье—онъ спасень,
Какъ вдругъ идутъ со всѣхъ сторонъ—

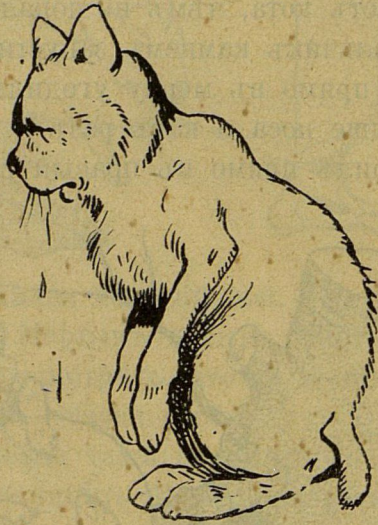
Сосѣдка старая, Мартынъ
И маленькій Мартына сынъ.
Отъ страха Тигрикъ ошалѣлъ:
Хотѣлъ бѣжать, но не посмѣлъ.
Онъ людямъ прыгаетъ на грудь,
Старается въ лицо куснуть,
Царапаетъ, когтями бьетъ,
Визжитъ, мяукаетъ, оретъ.
Старуха тоже закричала
И бьетъ кота, чѣмъ ни попало.
А мальчикъ камнемъ запустилъ.
Онъ прямо въ морду угодилъ
Повыше носа и какъ разъ
Ударилъ прямо въ правый глазъ.

Несчастный Тигрикъ сталъ кривой.
Онъ, издавая жалкій вой,
Бѣжить, не вѣдая пути,
Чтобъ только отъ людей уйти.

Безъ глаза, жалкій, весь избитый,
Усталый, грязный и не сытый,
Вернулся Тигрикъ къ Благороду
Съ рассказомъ про свою невзгоду,
И, горько плача, на показъ
Онъ выставлялъ кровавый глазъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вѣсти отовсюду.

М. В. Ломоносовъ. Менѣе чѣмъ черезъ годъ исполнится 200 лѣтъ со дня рожденія Михаила Васильевича Ломоносова.

М. В. Ломоносовъ изъ крестьянскаго мальчика сдѣлался первымъ настоящимъ русскимъ писателемъ и ученымъ. До него у насъ не было ни писателей, ни ученыхъ.

Теперь въ его родномъ городѣ Архангельскѣ уже обсуждаютъ, какъ отпраздновать день его рожденія, и что сдѣлать въ его память. Рѣшено открыть училище его имени и на городской площади поставить ему памятникъ. Кромѣ того, въ городѣ откроютъ музей русскаго сѣвера имени М. В. Ломоносова.

Музей Диккенса. Не прошло и ста лѣтъ со дня рожденія знаменитаго англійскаго писателя Чарльса Диккенса, а въ его родномъ городѣ Портсмутѣ уже существуетъ музей его имени.

Городское управленіе купило за 11.000 рублей небольшой красный домъ, гдѣ родился великій писатель, и въ немъ собрало все, что касается Диккенса и его произведеній: его портреты, первыя изданія его сочиненій, рисунки къ нимъ, снимки съ домовъ, въ которыхъ онъ жилъ, и съ усадьбы, гдѣ онъ скончался, а также портреты его жены и дѣтей. У Диккенса было семь сыновей и три дочери. Изъ нихъ въ настоящее время въ живыхъ два сына и одна дочь. Въ Лондонѣ до сихъ поръ живетъ бывшая невеста Диккенса, Мэри Куперъ, послужившая ему образцомъ для его „Крошки Дорритъ“. Мистрисъ Куперъ теперь 97 лѣтъ. Она еще очень бодра и охотно рассказываетъ о томъ, какъ еще въ дѣтствѣ была дружна съ Диккенсомъ, какъ потомъ онъ сдѣлался ея женихомъ, и какъ судьба разлучила ихъ.

Еще до основанія музея имени Диккенса, городъ Портсмутъ почтилъ его память очень трогательнымъ образомъ: онъ учредилъ въ городской больницѣ кровать для дѣтей имени одного изъ маленькихъ героевъ Диккенса.

Хорошо было бы, если бъ и у насъ въ Россіи относились такъ внимательно и любовно къ памяти великихъ писателей, сохраняли дома, въ которыхъ они родились, жили и умерли, и основывали музеи ихъ имени. Ничто такъ не облагораживаетъ народъ и не даетъ ему нравственныхъ силъ, какъ примѣръ родныхъ ему великихъ людей.

Шарада № 9.

Слогъ первый буквою зовется,

И въ нотахъ слогъ второй найдется.

Конецъ ищите на лицѣ,

Когда же въ строчкѣ на концѣ

Не помѣщается все слово,—

Моя разгадка тамъ готова.

Шарада № 10.

Животное огромнѣйшее встрѣтилъ
Однажды человекъ и, только лишь замѣтилъ,
Какъ имя произнесъ его и закричалъ.
И надъ волнами крикъ его звучалъ.
Великъ былъ бѣднаго испугъ:
Онъ могъ проглоченъ быть въ одно мгновенье.
Но велико и наше удивленье:
Отъ имени животнаго и крика
Названіе имперіи великой
Возникло вдругъ.

Шарада № 11.

Мѣстоименіе стоитъ въ моемъ началѣ,
И долгій срокъ въ концѣ моемъ стоитъ,
А все мое, навѣрно, вы искали
Въ саду, въ лѣсу васъ привлекалъ мой видъ.
Но, если измѣнивъ мое мѣстоименье,
Вы прежній мнѣ оставите конецъ,
Я получу совсѣмъ не то значенье:
Меня искать начнетъ тогда купецъ.

Народныя поговорки и примѣты на октябрь.

Покровъ—первое зазимье.
До Покрова осень, за покровомъ зима идетъ.
Покровъ кроетъ землю, гдѣ листкомъ, гдѣ снѣжкомъ.
Пряхи съ Покрова по ночамъ засиживаются.
Провертываются тепленькіе деньки и послѣ Покрова, да рѣденько.
Пришли Харитины (5 октября) первыя холстины: баба смекать—смекай, да
за красна садись, холсты затыкай.

Отъ конторы редакціи. Просимъ прочесть непременно.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятая рукопись, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копеечную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворяетъ не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородній уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р., и остальные деньги не позднѣе 15-го Апрѣля.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по пятницамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Условія подписки на 1910 г. на годъ 3 р. съ пересылкой и доставкой.

Открыта подписка на 1910 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

5-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нр.
въ годъ.

Журналъ выходитъ 1 и 15 каждаго мѣсяца въ 2—3 печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ 1910 году въ „Тропинкѣ“ будетъ напечатано, между прочимъ, слѣдующее:
Зим. Венгеровой „Донъ-Кихотъ“. *З. Н. Гиппиусъ* „Полетѣли“ (о воздухоплаваниі).
Е. П. Иванова „Черный мельникъ“. *П. Инфантьева* „На родинѣ первыхъ людей“.
(Путешествіе двухъ гимназистовъ по Средней Азіи). *И. С. Кондурушкина*
„Сказка о четырехъ вѣтрахъ“. *Кл. В. Лукашевичъ* „Нелюбимая подруга“. *Н. И. Манасеиной* „Дербетская принцесса“. (Повѣсть изъ дѣтства и юности Екатерины II). *Проф. М. И. Ростовцева* „Олимпийскія игры“. *П. Соловьевой (Аллего)*
„Даревна Земляничка“ (пьеса въ стихахъ). *Н. Л. Шапиръ* „Въ зоологическомъ саду“ и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой 3 руб. Для ознакомленія съ журналомъ можно выписывать его на 4 мѣсяца за 1 руб. При желаніи продлить подписку остальные деньги должны быть присланы въ редакцію не поздне 15-го апрѣля.

Въ редакціи имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты 1908 и 1909 г.г.

Комплекты 1906 и 1907 г.г. всѣ разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 36, кв. 4.

Телефонъ 297—55.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева* и *Ж. Манасина*.